

становка которых ничего не изменила бы в читательском восприятии. Сам герой их не оценивал и не рассуждал по поводу их. В плутовских повестях невзгоды, неудачи, промахи, ошибки парализуют пикаро до такой степени, что он оказывается неспособным к приобретению житейского опыта, не говоря уж об общественном. Герои «Селестины» настолько связаны ролью влюбленных, что ни в каких ситуациях не могут расстаться с ними. Чувства пастухов и пастушек являются как бы врожденными, раз и навсегда данными, неизменными.

Существует мнение, явно ошибочное, о том, будто Дон Кихот как персонаж и как личность лишен черт развития. Так, например, Марта Робер полагает, что «Дон Кихот», так же как и «Одиссею», можно читать в любом порядке, ибо в этих произведениях герои не развиваются, а события просто нанизываются одно на другое, они равны друг другу по своей значимости и допускают любого рода перестановки. Смерть Дон Кихота, как и возвращение Улисса, ничем не подготовлена и никак не оправдана². Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что серия приключений Дон Кихота начинается сражением с ветряными мельницами, а одним из завершающих и кульминационных эпизодов является столкновение с герцогской четой. Совершенно очевидно, что общими в этих двух столкновениях — механическом и идеологическом — являются стереотипные рыцарские побуждения и одинаковый неудачный результат. Но очевидно и то, насколько более принципиальным, сложным, психологичным оказывается второе столкновение. Из приключения с мельницами Дон Кихот не извлек никаких выводов, они никак не вошли в его личный опыт. Встреча с герцогской четой заставила рыцаря сделать печальное, но решительное заключение о том, что «его жизнь в замке идет в разрез со всем строем рыцарства и того ради попросить ... дозволения покинуть сей кров» (II, LII). Наделив своего главного героя свойствами развития, Сервантес превращает рыцарский персонаж в активно действующую личность.

Основная идея романа раскрывается Сервантесом не только при помощи столкновения идей, лиц, их характеров и поступков, но и противоположением языковых манер выражения («социальных диалектов»), что становится важным онтологическим свойством текста романа, стилистическим принципом, активно формирующим структуру произведения. Смена языковых манер выражения, их оценки автором и персонажами помогает представить выбор «социального диалекта» как поступок и придать ему этическую, эстетическую и идеологическую значимость. Вместе с тем сам факт переключения с одного языкового регистра на другой свидетельствует о важном достижении реалистического метода: упреждение жесткой сопряженности жанра и языковой манеры выражения, господствовавшей в эпосе, рыцарском романе, плутовской повести, эклоге, пасторали, создание поливалентных в языковом отношении образцов художественного текста открывали качественно новые возможности эстетического освоения жизни. Анахроничные принципы рыцарства развенчиваются Сервантесом всеми доступными средствами, в том числе и языковыми. Одним из виновников сумасшествия сеньора Киханы Доброго, будущего рыцаря Дон Кихота Ламанчского, был, как это явствует из первой главы первой части, Фелисиано де Сильва, автор «Второй Селестины» и ряда рыцарских романов, слог которых являлся своеобразным инвариантом литературных произведений этого жанра: «О любовь! Ведь нет правоты в том, в чем твоя неправота не имела бы большей правоты в твоих превратностях! И ты лишаешь меня своей неправотой того, что по праву созданных тобою законов ты сама мне обещаешь, с тем правом, которое у меня есть». Пародируя де Сильву, Сервантес сочиняет такую фразу: «Право бесправия, которое вы осуществляете в отношении моего права, делает мой

² *Robert Marthe. L'ancien et le nouveau: de Don Quichotte a Kafka. Paris, 1963, V c. 125—126.*